

Хань Дуй прищурился и с улыбкой посмотрел на бухгалтера Чжана.

— Дядя Чжан, а вам не приходило в голову, что я и есть та самая мутная водица, которую нужно взбаламутить?

Бухгалтер Чжан опешил. С минуту он молча разглядывал юношу, а потом медленно произнес:

— И впрямь не подумал. — Он покачал головой. — Ну и молодежь нынче пошла. Пальца в рот не клади. Старею я, видать, старею.

— Ну что вы, дядя Чжан, — Хань Дуй вежливо улыбнулся. — Вы для меня всегда останетесь умудренным опытом наставником, у которого мне еще учиться и учиться.

Бухгалтер Чжан затянулся самокруткой, оставив комплимент без ответа.

— Бухгалтер Чжан, вам сейчас просто не на кого опереться, вот и приходится воевать в одиночку, — продолжил Хань Дуй. — Но подумайте: пройдет несколько лет, вы уйдете на покой. И кто тогда в производственной артели сможет укоротить аппетиты клана Ли? Наша деревня окончательно превратится в их личную вотчину, где чужакам и слова сказать не дадут. Вы ведь и сами это понимаете.

Хань Дуй не стал давить. В таком тонком деле, как вербовка союзников, спешка только вредит — нужно уметь вовремя остановиться, дав человеку переварить услышанное. Поняв, что зерно сомнения посеяно, он поднялся со скамьи.

— Отдыхайте, дядя Чжан. А мне пора домой.

Бухгалтер Чжан молча кивнул в ответ.

У порога Хань Дуй столкнулся с возвращавшимися из гостей хозяйками дома. Жена бухгалтера, У Эрни, была женщиной видной и дородной: круглолицая, крепкая — о таких в деревне всегда говорили с уважением, мол, баба сдобная, приносящая в дом достаток. Дочка, Чжан Сюсю, во всем походила на мать.

Они вежливо обменялись приветствиями, и Сюсю с нескрываемым любопытством проводила Хань Дуя взглядом. Стоило юноше выйти за ворота, как его обдало ледяным вечерним ветром. Он невольно поежился.

Из темноты у забора неожиданно вынырнул притаившийся там Хань Ган.

— Сяо Жуй! А я тебя караулю! — радостно прошептал он.

— Вижу, — отозвался младший брат.

— Слушай, я сейчас Сюсю видел! — возбужденно зашептал Ганцзы, сияя как начищенный таз.
— Она мне улыбнулась! Сама!

— Это называется обычной вежливостью.

— Да нет же! Раньше она на меня вообще не смотрела, а тут прямо расплылась в улыбке!

Хань Дуй вздохнул, понимая, что брата нужно срочно спустить с небес на землю, пока тот не навоображал лишнего.

— Дорогой мой старший брат, давай смотреть на вещи трезво. Сюсю — единственная дочка главного бухгалтера. Родители в ней души не чают, а свахи к ним в дом порог уже до дыр затерли, и всем от ворот поворот дали. С чего бы ей вдруг заглядываться на тебя? Чем ты ее заманишь? Своей неотразимой простоватостью или полным отсутствием перспектив?

Хань Ган мгновенно сник, повесив голову точь-в-точь как побитая морозом капуста.

Опасаясь, что излишняя суровость вовсе отобьет у бедняги тягу к труду, Хань Дуй тут же сменил гнев на милость:

— Но отчаиваться не надо. Главное — четко следовать намеченному плану и не сворачивать с генеральной линии. Какая у нашей семьи сейчас главная беда? Нищета и полное бесправие. Вот с этим злом мы и должны бороться в первую очередь. С тебя — примерный труд и ударные показатели на полях, с меня — борьба за место под солнцем и влияние в деревне всеми правдами и неправдами. Будем держаться друг за друга — горы свернем. А о девках пока забудь, не время.

— Ладно, — глухо буркнул Хань Ган, но плечи заметно расправил.

Когда братья переступили порог дома, в душной горнице при свете керосинки сидели мать, Чэнь Юэсян, и старшая сестра, Хань Мэй. Обе прилаживали плотные подошвы к матерчатым туфлям. Стоило матери увидеть Хань Дуя, как она, не говоря ни слова, замахнулась на него зажатой в руке заготовкой.

Юноша шустро отпрыгнул в сторону.

— Мама, побойся бога! Я уже взрослый человек, окончивший школу, а вы чуть что — сразу за подошву хватаетесь!

— Ах ты негодник! — закричала Чэнь Юэсян, тыча в него пальцем. — Это кто отца подбил

казенную водку лакать? Кто его споил, паршивец ты этакий?!

— Навет! — с неподдельным возмущением воскликнул Хань Дуй, прижав руку к груди. — Чтобы я подбивал отца на пьянство? Да у меня бы язык не повернулся!

— Сяо Жуй, не отпирайся, — со вздохом вмешалась сестрица Мэйцзы. — Мама уже устроила отцу допрос с пристрастием. Он во всем сознался и сдал тебя с потрохами.

Хань Дуй горестно вздохнул и покачал головой.

— Эх, старик... Совершенно не умеет держать удар. Никакой надежности.

В другое время Чэнь Юэсян с удовольствием бы поддержала критику в адрес мужа, но сейчас ее праведный гнев распространялся на всю мужскую половину дома.

— Да уж, хорош гусь! Отец у вас бестолковый, и ты под стать ему растешь! Вообще все мужики в семействе Хань из одного теста слеплены — ни на одного положиться нельзя!

Стоявший у двери Хань Ган обиженно засопел. Ему-то за что прилетело? Он к этой водке даже пальцем не прикоснулся.

Поняв, что глухая оборона провалена, Хань Дуй поспешил сменить тактику и заговорил самым вкрадчивым, медовым голосом:

— Мамочка, родная, послушайте сначала! Я ведь не корысти ради, а токмо ради нашего общего блага старался. Сами посудите: мне кровь из носу нужно закрепить в конторе производственной артели. А как это сделать без связей? Самый надежный человек там — бухгалтер Чжан. Но мне, сопливному юнцу, соваться к нему напрямую не с руки. Я бы с радостью попросил вас пойти потолковать с ним, но вы женщина приличная, ходить по чужим мужикам вам не пристало — слухи мигом по деревне поползут. Вот и пришлось использовать нашего баты в качестве тарана. А у мужчин разговор без бутылки не клеится, сами знаете. Налил стопку — и дело пошло. Так что это была суровая производственная необходимость!

Чэнь Юэсян все еще хмурилась, но запал ее заметно угас.

— А предупредить меня заранее вера не позволила?

— Так ведь... боялся, что вы сразу запретите, — Хань Дуй виновато захлопал ресницами.

Потребовалось еще минут десять уговоров, лести и обещаний никогда больше не спаивать главу семейства без предварительного согласования, чтобы на лице матери наконец появилось подобие мира.

Ночь прошла спокойно. Ровно в семь утра над деревней разнесся призывный звон колокола, сзывающий крестьян на работу. Отработав до девяти, люди ненадолго разошлись на завтрак, после чего снова потянулись к полям.

Помощник бригадира Лю Вэйго с самого утра коршуном кружил над участком семейства Хань. То и дело он ошивался поблизости, бросая в их сторону подозрительные взгляды.

Наконец, улучив момент, Лю Вэйго подозвал Хань Дуя к меже и как бы невзначай спросил:

— Слышь, Хань Дуй. Поговаривают, ты вчера вместе с Сяо Цзяном в коммуну мотался? Что вы там забыли?

При упоминании Ли Сяоцзяна у Хань Дуя внутри все подобралось.

«Похоже, старый лис Ли Маньфу что-то почуял»

Но на лице его не дрогнул ни один мускул. В следующую секунду юноша виртуозно разыграл искреннее возмущение:

— Заместитель бригадира Лю! Как хорошо, что вы сами спросили! Я как раз собирался жаловаться! Что вообще происходит с этим Ли Сяоцзяном? Куда я ни пойду, он тут как тут рисуется. Он что, шпионит за мной по чьему-то приказу?!

Лю Вэйго от такой наглости даже растерялся и поспешил откреститься:

— Ты чего несешь? Стал бы он на тебя время тратить! Мало ли у кого какие дела в коммуне могут быть. Тебе монополию на дорогу туда никто не давал.

— Ну уж нет! — упрямо буркнул Хань Дуй. — Один раз — случайность, два — совпадение. Но когда этот тип преследует меня до самых дверей управы, тут явно пахнет нездоровым интересом!

— Хватит зубы заговаривать! — раздраженно прикрикнул на него Лю Вэйго. — Никто за тобой не следит. Отвечай прямо: это ты подговорил Сяо Цзяна накатать жалобу в комитет?

Хань Дуй на секунду замер с глуповатым выражением лица, изображая крайнюю степень изумления, а затем картинно хлопнул себя по лбу:

— А-а-а! Так вот оно что! Выходит, его сказки про то, что он пошел в коммуну узнать насчет

вакансии учителя — чистой воды вранье? Ха-ха-ха! Ай да я, ай да молодец, как чувствовал подвох!

Лицо Лю Вэйго потемнело от злости.

— Хань Дуй, ты понимаешь, что ходишь по тонкому льду? И у тебя еще наглости хватает зубоскалить?

Юноша улыбнулся еще шире, расправив плечи с вызовом:

— Отчего же не смеяться, товарищ заместитель бригадира? Мы, передовая революционная молодежь, верны заветам партии и трудностей не боимся. Нам скрывать нечего!

— Ну-ну, скалься дальше, — процедил сквозь зубы Лю Вэйго, одарив его ядовитым взглядом. — Посмотрим, как ты запоешь, когда прижмет.

Развернувшись на каблуках, он злобно зашагал прочь.

Хань Дуй преспокойно вернулся на свой участок и взялся за лопату. Отец и старший брат тут же засыпали его тревожными расспросами.

— Да пустяки, — отмахнулся Хань Дуй. — Работаем дальше.

— Гляди у меня, — хмуро проворчал Хань Дахуа. — Не вздумай с ним ссориться. Нам только этого не хватало для полного счастья, и так на птичьих правах живем.

Но не успел он договорить, как фигура Лю Вэйго снова замаячила на горизонте. Помощник бригадира возвращался, явно намереваясь устроить показательную порку.

Придравшись к первому попавшемуся метру земли, он уставился на канаву, которую копал Хань Дуй, и завел волынку:

— Хань Дуй! Это что за безобразие? Разве так копают? Канавка кривая, узкая, курам на смех! И это имеет диплом государственного образца, грамотей несчастный! Элементарную траншею осилить не можешь. Марш переделывать! Пока ровно не выкопаешь, с поля не уйдешь!

Окрестные крестьяне, почуяв назревающий скандал, тут же побросали работу и принялись с любопытством вытягивать шеи, перешептываясь между собой.

Старый Хань, испугавшись неприятностей, заискивающе зачастил:

— Товарищ заместитель бригадира, сынок-то мой только из-за парты вылез, к тяжелому крестьянскому труду непривычен. Вы уж не судите строго. Мы все переделаем, все исправим...

Но Хань Дуй не дал отцу унижаться. Он легким движением всучил свою лопату прямо в руки онемевшему от такой наглости Лю Вэйго и с самым невинным видом произнес:

— Товарищ Лю, раз уж моя работа не соответствует высоким стандартам, будьте добры, покажите класс! Мне, как неопытному комсомольцу, жизненно необходим наглядный пример от передового революционного кадра. Как правильно держать инструмент? Какова должна быть глубина?

По полю пронесся тихий вздох удивления. Вокруг воцарилась гробовая тишина.

Лю Вэйго вытаращил глаза на лопату в своих руках, словно она была ядовитой змеей, а затем свирепо уставился на наглеца.

— Что же вы медлите, товарищ заместитель бригадира? — подлил масла в огонь Хань Дуй. — Покажите мастер-класс. Или вы, со своим неоконченным средним, тоже канаву ровно прокопать не в силах? А может, пересев в теплое чиновничье кресло, вы окончательно оторвались от народных масс и позабыли, как пахнет сырая земля?

Десятки пар глаз впились в спорщиков. Народ затаил дыхание. Такого дерзкого вызова местному начальству деревня не видела давно.

Лю Вэйго побагровел от ярости. Понимая, что на него смотрит вся артель и уклониться — значит навсегда потерять авторитет, он зарычал:

— Глаза разуй! Вон, посмотри на товарищей по бригаде! Любой из них копает в сто раз лучше тебя! У них учиться надо, бездельник!

— Так я и учился, — кротко вздохнул Хань Дуй. — Да только вы говорите — брак. Вот я и подумал: вы же у нас руководство, голова! Кому, как не вам, растолковать нерадивому крестьянину суть процесса? Научите, будьте отцом-командиром!

— Ладно! — злобно гаркнул Лю Вэйго, окончательно загнанный в ловушку общественным вниманием. — Смотри внимательно, два раза повторять не стану!

Он с остервенением вонзил лопату в грунт и принялся яростно раскидывать землю.

Артельщики под этот шумок дружно пристроили свои лопаты и плотным кольцом обступили работающего начальника, пряча ухмылки в кулаки.

Хань Дуй стоял рядом, с видом прилежного ученика вглядываясь в каждое движение Лю Вэйго, и то и дело подавал голос:

— Надо же! Так вот под каким углом нужно вгонять лезвие! И нажим, оказывается, идет всем телом... Какая глубина мысли! Век живи — век учись. Товарищ Лю, а покажите теперь с левой руки? Я ведь левша наполовину, мне важно понять эргономику процесса.

Лю Вэйго только зубами закрипел. Пыхтя от натуги, он перехватил древко по-другому. Сделав еще пару взмахов, он попытался было сунуть инструмент обратно парню, но Хань Дуй испуганно замахал руками:

— Ой, нет-нет-нет, товарищ заместитель бригадира! Вы прокопали всего ничего, я еще не уловил общую геометрию траншеи. Как я пойму, ровно ли идет линия на длинной дистанции? Пожалуйста, покажите на приличном отрезке, чтобы я мог зафиксировать эталон в памяти!

Под безмолвным присмотром двух десятков веселых глаз Лю Вэйго пришлось пропотеть над траншеей еще минут десять. Когда он наконец разогнулся, спина его взмокла, а по лицу градом катился пот.

С размаху воткнув лопату в многострадальную землю, он шумно выдохнул и вытер лоб рукавом:

— Все! Видел?! Вот так надо вкалывать! Если после этого твоя канава опять будет вилать, я лично урежу тебе дневной тариф на три рабочих балла!

Хань Дуй расплылся в самой обезоруживающей улыбке:

— Ну что вы, товарищ Лю! Разве может ученик превзойти мастера? Я буду стараться изо всех сил. Но если вы все-таки лишите меня трудодней и моя семья начнет пухнуть с голоду — не взыщите, приду обедать к вам. Вы у нас власть, отец родной, за народ в ответе. Да и по-соседски помочь ближнему — наш священный долг. Договорились?

Лю Вэйго с досадой сплюнул на землю.

— А ну за работу! И чтоб без этих твоих шуточек у меня! — рявкнул он и поспешил уйти.

Но Хань Дуй с лопатой наперевес бросился следом:

— Товарищ Лю, постойте! Куда же вы? Я тут вспомнил, вы в конце как-то по-особенному выворачивали пласт земли, я не углядел! Вернитесь, повторите на бис!

Помощник бригадира прибавил шаг, косясь на настырного парня как на зачумленного, и

вскоре почти бегом скрылся за насыпью.

Стоило Лю Вэйго скрыться из виду, как над полем грянул дружный, залиvistый хохот. Мужики и бабы утирали слезы, надрывая животы от души.

Одни искренне радовались тому, как лихо утерли нос заносчивому прихвостню, и мысленно аплодировали бесстрашному юнцу. Другие же злорадно шептались, суля семейству Хань скорую расправу — мол, доигрался малый, теперь им житья в деревне не дадут.

Хань Дахуа стоял мрачнее тучи, неодобрительно качая головой. Выходка младшего сына казалась ему верхом безрассудства.

А вот Хань Ган, наоборот, сиял от гордости. Лю Вэйго давно заслужил хорошую взбучку, а его младший брат оказался настолько головастым, что обставил этого гада без единого кулака!

В полдень протяжно завывла сирена на обед. Крестьяне мигом побросали инвентарь и поспешили по домам, чтобы подкрепиться перед долгой второй сменой.

После полудня Лю Вэйго на поле так и не появился. Зато ближе к трем часам у межи объявился бухгалтер Чжан. Выбрав момент, когда поблизости никого не было, он негромко окликнул Хань Дуя и отвел его в сторону.

— Ну и кашу ты заварил, парень, — неторопливо проговорил бухгалтер, затягиваясь самокруткой. — Колись, чего еще успел натворить за эти дни?

— Помилуйте, дядя Чжан, — Хань Дуй изобразил самую смиренную мину. — Я примерный колхозник, с утра до вечера спину на полях гну, света белого не вижу.

Старик окинул его пронизательным взглядом и покачал головой:

— Не прикидывайся шлангом. Сегодня утром бригадир Ли Маньфу вернулся со срочного совещания в коммуне сам не свой — туча тучей. Едва переступил порог конторы, как вызвал к себе Лю Вэйго за закрытые двери. Я краем уха слышал, как они там честили тебя и Сяо Цзяна. Затеваается что-то недоброе, помяни мое слово.

В глазах Хань Дуя промелькнул торжествующий огонек.

— Раз для них это дурные вести, значит, для нас — самые что ни на есть прекрасные.

Бухгалтер Чжан лишь молча вздохнул, удивленный его непоколебимой уверенностью, покачал головой и не спеша побрел обратно к конторе.

Когда рабочий день подошел к концу и солнце покатилося к закату, к Хань Дую подбежал перепуганный Ли Сяоцзян. Парень буквально дрожал от страха, затравленно озираясь по сторонам.

— Сяо Жуй, беда! — зашептал он, хватая друга за рукав. — Дядя сейчас на меня так посмотрел... Господи, у меня аж под жилочкой затряслось! Взгляд тяжелый, черный, будто пришибить на месте хотел. Что мне делать? У меня сердце не на месте!

<http://bllate.org/book/19655/1986466>